

Из истории кольской геологии

Войтеховский Ю. Л.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, vojtechovskijj@herzen.spb.ru

Аннотация. В статье публикуются воспоминания известного российского минералога И. В. Буссен о годах учебы в геологическом техникуме и университете в Ленинграде, о знакомстве с гипотезой А. Вегенера, о посещении обсидианов Джрабер (Армения) в связи с проблемой первичной магматической расслоенности, об истории имени ильмайокита, о выдающихся учителях и соучениках, ставших коллегами. Статья дополнена письмами из архива проф. Д. П. Григорьева в Российском минералогическом обществе и завершает воспоминания, опубликованные в предыдущем выпуске «Трудов Ферсмановской научной сессии».

Ключевые слова: Кольский полуостров, Ловозерский массив, Джрабер, ильмайокит, обсидиан, первичная расслоенность, дрейф континентов, О. М. Аншелес, Н. В. Белов, А. Вегенер, П. В. Грушвицкий, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, О. М. Римская-Корсакова, Н. Г. Судовиков, В. А. Франк-Каменецкий, И. И. Шафрановский, Я. С. Эдельштейн.

From the history of Kola geology

Voytekhskovsky Yu. L.

A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Saint Petersburg, vojtechovskijj@herzen.spb.ru

Abstract. The article publishes the memoirs of the famous Russian mineralogist I. V. Bussen about the years of study at the geological technical school and university in Leningrad, about acquaintance with the hypothesis of A. Wegener, about visiting obsidians of Jraber (Armenia) in connection with the problem of initial magmatic layering, about the history of the name ilmajokite, about outstanding teachers and fellow students who became colleagues. The article is supplemented with letters from the archive of Prof. D. P. Grigoriev in the Russian Mineralogical Society and completes the reminiscences published in the previous issue of the «Proceedings of the Fersman Scientific Session».

Keywords: Kola Peninsula, Lovozero massif, Dzhraber, ilmajokite, obsidian, initial layering, continental drift, O. M. Ansheles, N. V. Belov, A. Wegener, P. V. Grushvitsky, F. Y. Levinson-Lessing, O. M. Rimskaya-Korsakova, N. G. Sudovikov, V. A. Frank-Kamenetsky, I. I. Shafranovsky, Ya. S. Edelstein.

Введение

Эта статья завершает публикацию материалов, переданных автору в разное время для журнала «Тиетта» замечательным человеком и минералогом И. В. Буссен. Начало было опубликовано в предыдущем выпуске «Трудов ФНС» (Войтеховский, 2023). Супруги И. В. Буссен и А. С. Сахаров безраздельно отдали профессиональные жизни изучению Ловозерского массива. Но эти воспоминания большей частью освещают встречи с соучениками, преподавателями, коллегами на долгом жизненном пути. Эпизоды менее или более значимы, но все они найдут свое место в большой истории освоения Кольского п-ова. Некоторые дополняющие материалы взяты из личного архива Д. П. Григорьева в Российском минералогическом обществе. В нем можно найти письма, фото, протоколы и прочие документы почти к любой исторической дате или юбилею. Считаем своим долгом публиковать их при каждой возможности. Ссылки на источники, поясняющие события, сделаны автором этих строк.

Николай Васильевич Белов

Мне постоянно говорят: «Вы столько помните, запишите!» После долгих раздумий и сомнений я решила рассказать о своем знакомстве с одним замечательным ученым. Итак, рассказ о знакомстве с Н. В. Беловым, да-да, с «просто Беловым». (Это какой Белов, кажется, агроном из Тимирязевки, да?).

Как-то зимой 1937 г. в большом коридоре нашего (тогда Ленинградского) университета меня и мою подругу Веронику Соболеву, студенток 4-го курса, остановил доцент нашей кафедры кристаллографии Иларион Иларионович Шафрановский (с 1931 г. – ассистент, с 1936 г. – доцент, с 1944 г. – профессор Горного ин-та; одновременно, в 1934–1948 гг. – ассистент, доцент и профессор ун-та – *прим. автора*) и с таинственным видом сказал: «Девочки (так нас называли на кафедре, мы были самыми младшими и единственными представительницами «слабого» пола), Осип Маркович (профессор Аншелес, заведующий кафедрой) убедил Белова прочесть у нас на кафедре цикл лекций, приходите обязательно, будет очень интересно». В назначенный день и час приходим. В аудитории 116 – весь цвет ленинградской кристаллографии и минералогии – нашего университета, ЦНИГРИ (ВСЕГЕИ), Горного, Керамического, Арктического институтов, Галургии и т. д. Мы, как самые молодые, скромно сели в первом ряду у самого входа.

Открывается дверь. С лотком моделей кристаллов входит Будаев, организатор и заведующий кристалло-модельной мастерской при Горном институте, элегантный, в темно-синем костюме, белоснежной рубашке с черным шелковым галстуком, за ним – Ваня, его ученик и помощник, столь же элегантно одетый, также с лотком моделей. За Ваней в дверях появляется отнюдь не элегантный пожилой мужчина, седоватый, стрижка «ежиком», небритый и также с лотком моделей и «банным» чемоданчиком (мы с подругой сразу решили, что это новый рабочий Будаева, его сотрудников мы знали, так как проходили у него практику), задевает лотком за дверной косяк, лоток летит, модели рассыпаются, к нашим ногам летит и раскрывается чемоданчик. Мы, конечно, бросаемся собирать модели, кто-то из публики присоединяется к нам, поднимаем и закрываем чемоданчик (в нем что-то вроде белья), вручаем все пришельцу. Комизм ситуации в том, что мы с Вероникой и он ползали по полу голова к голове. Незнакомец направился к столу, профессор Аншелес – к кафедре и, показав в его сторону, представил: «Николай Васильевич Белов». Шок... Пауза...

Он читал лекции раз в неделю. Утром «стрелой» приезжал, вечером «стрелой» же возвращался в Москву. Лекции были сложные, очень интересные, материал новый, кристаллохимия (и у нас) только зарождалась, мы (во всяком случае) понимали далеко не все (вернее, почти ничего), но посещали их охотно. Примерно в середине цикла лекций нас, студентов и преподавателей, на автобусах увезли во «Дворец культуры» голосовать за что-то или против чего-то, на лекцию мы опоздали. Прибегаем – пусто. Уборщица говорит: «Был этот москвич, да ушел». Решили писать извинительное письмо, просить продолжить лекции. Письмо сочиняли всей кафедрой, но писать поручили мне, пишущих машинок тогда на кафедрах не было. Николай Васильевич приехал, прямо подошел ко мне и в упор спросил: «Это Вы мне писали?» Я в страхе призналась: «Да... я...» – вдруг что-то не так сделала?

Лекции продолжились. В конце заключительной лекции Николай Васильевич помолчал и после своего характерного жеста сказал: «И что это я все рассказываю вам? Ведь все равно никто, кроме Павла Владимировича – легкий кивок в сторону Павлуши Грушвицкого – ничего не понимает». Шок... Пауза... Затем, как положено – аплодисменты, благодарности... Позднее, даже когда Николай Васильевич стал академиком, всемирно известным ученым, а я – старшим научным сотрудником, если мы встречались на каком-то съезде, заседании, симпозиуме, то он раскланивался со мной. Коллеги с изумлением спрашивали: «Как, Вы знакомы с академиком Беловым?» И я, немного блефуя, отвечала: «Конечно, с 1937 года!» Своеобразный, образованнейший был человек, а какая память!

Павел Владимирович Грушвицкий

Немного о Павле Владимировиче Грушвицком. Он был талантливым юношей, внешне привлекательным, спортивным (увлекался джиу-джитсу и лыжами), смелым. Я знала его почти с детства – мы учились в параллельных классах 34-ой школы. В университет я поступила на год позже него в 1933 г., но мы были на одной кафедре и дружеские отношения сохранили. Параллельно с геологическим факультетом Павлуша окончил (или прослушал курс, я не уверена, сдавал ли он госэкзамены) физфак. Он был вполне сложившимся кристаллохимиком (или кристаллофизиком), на равных разговаривал с профессорами и академиками, общался с окружением «папы Йоффе»,

работал в «Доме занимательной науки». Дружил с Виктором Франк-Каменецким. В семье Виктора этим гордились, они знали цену Павлуши. И обида будет, если я об этом забуду сказать. Часть предметов сдавал с нашим курсом, так как на год был изъят из университета за «белую кровь и голубую кость» (его отец был дворянином и не скрывал это, хотя работал в ГИНХе) и одновременно блестяще читал нам геохимию, заменив В. В. Щербину. Окончил аспирантуру, в 1941 г. завершил работу над кандидатской диссертацией. В самом начале войны был призван в армию и погиб. Какой чудесный это был человек!

(Википедия дает следующую справку. Павел Владимирович Грушвицкий родился в семье офицера инженерных войск в Петрограде в 1915 г. В 1932 г. поступил на геологический ф-т ЛГУ. Получив специальность геохимика, работал научным сотрудником в Горном, потом во Всесоюзном геологическом ин-те. С осени 1938 г. – аспирант, с января 1941 г. – ассистент кафедры кристаллографии ЛГУ. В начале войны призван в РККА, попал в плен, погиб в тюрьме в Гамбурге в 1944 г. (Глушенкова, 1995; Картотека..., с. 302. – прим. автора).

Виктор Альбертович Франк-Каменецкий

Санкт-Петербург, 5 октября 2009 г.

Уважаемые коллеги! 28 февраля 2010 г. будет 95 лет со дня рождения Виктора Альбертовича Франк-Каменецкого. Кольское отделение ВМО и/или Геологический институт КНЦ, конечно, отметят эту дату. Есть ли в вашем распоряжении недавно изданная Санкт-Петербургским университетом книга «Геологический факультет, LXXV лет»? В ней подробно рассказана биография Виктора Альбертовича, приведены уникальные – из личных архивов – фотографии. Статья прекрасно написана его дочерью Ольгой Викторовной Франк-Каменецкой, профессором кафедры кристаллографии. Без этой статьи сейчас трудно представить рассказ о нем как ученом и человеке. К этой дате я решила приурочить пересказ одного делового разговора с ним.

В конце 1960-х позвонила мне в Апатиты Анна Петровна Недорезова – геолог рудника Карнасурт в Ловозерских тундрах – и сказала, что у них обнаружена самородная сера. «А вы проверяли?» «Нет». «Присылайте, мы проверим». Прислали желтый порошок. Оказалась не сера, а новый минерал из залежи «Юбилейная». Мы исследовали его как положено и назвали *ильмаит* в честь оз. Ильма, расположенного вблизи рудника. Готовить материал для нашей Комиссии по новым минералам (КНМ) нам помогал ее председатель В. А. Франк-Каменецкий. 25 мая 1970 г. минерал был рассмотрен и принят, данные были направлены в международную КНМ (Буссен и др., 1972).

Спустя некоторое время мне на работу – «международный» звонок и голос Виктора Альбертовича: «Минерал не принимают, ильмаит слишком похож на ильваит (выделено в оригинале – прим. автора), надо менять название!» «Но я же не одна, мы вместе, не могу я одна менять название и так срочно... я не знаю...» «Заседание уже идет, срочно меняй название!» «Господи, не могу я так, я же одна, как я могу...» Он (эмоционально): «Ну, что у вас там есть рядом?» «Ручей Ильмайок». «Все, будет *ильмайокит*». И утвердили. В этих двух минутах разговора – весь Виктор Альбертович, ученый, друг, патриот (да-да, не утвердили бы – москвичи могли «увести» этот минерал...).

Ольга Михайловна Римская-Корсакова

Санкт-Петербург, 29 марта 2009 г.

Уважаемые коллеги! Решила напомнить вам, что 29 апреля сего года исполнилось бы 95 лет Ольге Михайловне Римской-Корсаковой, действительному члену ВМО / РМО с 1948 г. Почти вся ее деятельность связана с Кольским п-овом, два года – с Ловозерским массивом, затем – Ковдор, Африканда (рис. 1). Много ее выпускников было среди сотрудников КНЦ, да и сейчас, вероятно, еще есть. Может быть, следует часть очередного заседания Кольского отделения РМО посвятить ей? Ксерокопию моего рассказа о нашей с ней работе на г. Нинчурт в Луявурте (Буссен, 2008) я передала ее дочери Татьяне Алексеевне Фаворской. Она была очень тронута и благодарна вам! Ее радует каждое упоминание о матери в научном мире. Посылаю вам через Т. В. Новохатскую рассказ

об одном смелом поступке Ольги Михайловны. Может быть, используете? Удивительная была женщина!

Удивительная встреча в Москве.

Теплым летним днем я отправилась на выставку работ Ильи Глазунова. Очередь выстроилась вдоль всего Манежа, пускали порциями. Передо мной стоял пожилой мужчина небольшого роста, чуть ниже меня, седоватый, небритый, в весьма потертом джинсовом костюме. Но не его внешний вид привлек мое внимание, а то, что он, не прерываясь, читал книгу. Очередь стояла – читал, очередь двигалась – читал. Пошел дождь... Сосед читает... Вся очередь расцвела зонтиками, превратилась в подобие клумбы. И я раскрыла свой нежно-фиолетовый зонт. Сосед продолжает читать. Я предложила ему подвинуться под мой зонт. Он что-то буркнул, но не двинулся. Тогда я сказала: «Хоть сокровище-то свое под зонт спрячьте» – имея в виду книгу. Тут он поднял на меня глаза и сказал: «Действительно сокровище. Вы знаете, что это за книга?» «Знаю, Даррелл». «Я купил ее в Израиле за валюту». «Ну что ж, человек, покупающий книги за валюту, достоин уважения». «Вы не москвичка?» «Нет». «А откуда?» «Из Ленинграда». «А кто по специальности?» «Геолог. Ну, бывший геолог». «А Вы не знаете ли Ольгу Михайловну Римскую-Корсакову?» «Хорошо знаю, мы дружим с университетских времен! Оля училась на два курса старше меня, мы два года работали на одном объекте, потом – на разных объектах Кольского п-ова, у нас добрые отношения и сейчас!»

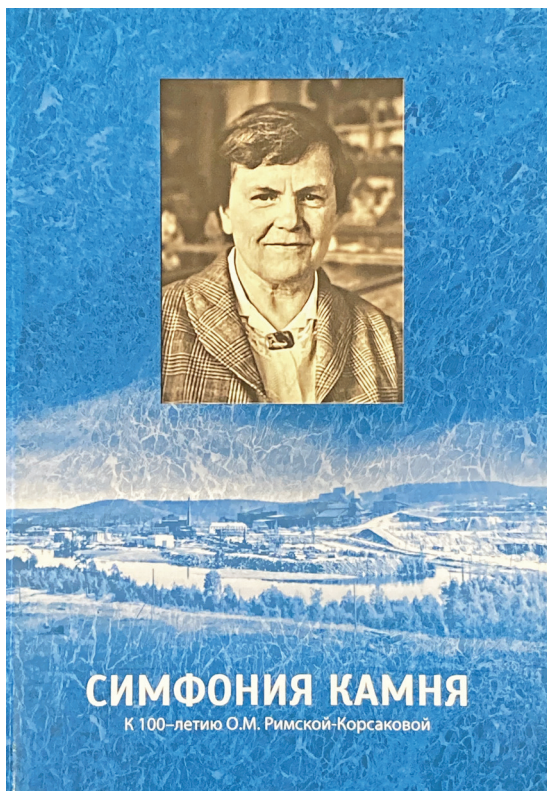

Рис. 1. Редкая книга, изданная ОАО «Ковдорский ГОК» (300 экз.).

Fig. 1. The rare book published by JSC «Kovdorsky GOK» (300 copies).

папка писем от школьников, мечтающих стать геологами, в том числе – от членов Клуба юных геологов им. В. А. Обручева, что на углу Невского пр. и наб. Фонтанки. Им много лет руководила О. М. Римская-Корсакова. Вот два ее коротких письма крупным понятным почерком. «20/I 59. Дорогой Дмитрий Павлович! Мы будем очень рады, если Вы сможете побывать в Клубе юных геологов 24/I. Там Вам собираются вручить грамоту горкома ВЛКСМ за активную помощь Клубу. С приветом и лучшими пожеланиями, (подпись)».

«Это удивительная женщина, она спасла мне жизнь! Познакомимся?» Он протянул мне руку, назвался (я не запомнила, то ли Кан, то ли Кон...) и рассказал: «Я математик, работаю в Академии наук, мой отец был экономистом в группе академика А. Е. Ферсмана, семья была репрессирована, я подростком остался буквально на улице. Ольга Михайловна взяла меня в экспедицию на Кольский п-ов и этим буквально спасла». Он принялся с восторгом рассказывать о том, какой она замечательный человек, как относится к людям, как работает, как было интересно жить в палатке... «К осени дела мои как-то уладились...» Тут к нам приблизилась дама, но не в костюме, а именно в туалете, от парикмахера, в макияже... Я поняла – супруга моего собеседника. Он представил меня ей, сказал о теме нашей беседы. В этот момент нас впустили в Манеж, и больше этих людей я не встречала.

И вот неожиданный финал. Недавно, в конце февраля 2009 г., я рассказала эту историю сыну. Он буквально подпрыгнул: «Так ведь это был известный математик Кон! Он написал две какие-то книги, без которых то ли вся математика, то ли все математики погибли бы!». Согласитесь, удивительная встреча! Конечно, я рассказала о ней Оле.

(В архиве Д. П. Григорьева в РМО есть целая

«18/II 61. Глубокоуважаемый Дмитрий Павлович! Должна принести Вам извинения от себя и от моих подопечных юных геологов. Мы ведь до сих пор не поблагодарили Вас за прекрасную фотографию Горного института! Произошло это в значительной степени по той причине, что в Клубе был ремонт и невероятный в связи с этим беспорядок. Кроме того, в две наши комнаты въехал Дед Мороз и мы почти весь январь не имели в Клуб доступа. Вот и получилось, что Ваш подарок оказался так долго незамеченным. Фотография получилась замечательная. Мы ее непременно окантуем. Еще раз большое спасибо. Ребята Вам напишут еще сами, но я не могла не извиниться... Ремонт у нас еще продолжается. С искренним уважением, (подпись). P.S. В этом году группа школьников поедет с Т. Г. Петровым на Урал, сначала базируясь в Свердловске. Я надеюсь, что по Вашем возвращении мы встретимся с Вами в университете и Вы не откажетесь поделиться своим опытом уральских путешествий. Это будет весьма полезным и для школьной экспедиции, и для будущей студенческой практики» – *прим. автора*).

Джрабер

Уважаемые коллеги! Уже заканчивая работу, посвятив много лет изучению Ловозерского массива, посетив несколько аналогичных объектов и проштудировав огромное (не побоюсь этого слова) количество литературы, мы с А.С. Сахаровым пришли к выводу, что удовлетворительного ответа на три вопроса: «где, когда и почему» магматический субстрат расслаивается (распадается, разделяется, дифференцируется) на слои, причем одноименные слои в разрезе плутона (и многие, если не все, слагающие эти горные породы минералы различаются химическим составом – «тонкая» или «скрытая» расслоенность) – найти не удалось. (Допускаю, что теперь все это выяснено и даже моделируется).

И тут я вспомнила большой штуф (40 × 50 см!) тонко-полосчатого (тонко-слоистого?) обсидиана на одном из шкафов в ауд. 52 нашего университета. Так ведь это идеальный пример расслоенности, да еще в кислом, то есть вязком субстрате! Допустить здесь «замещение осадков» или «послойное внедрение» невозможно! Узнав, что штуф из Армении, мы отправились в эту страну вулканов. В музеях Еревана много образцов разных обсидианов, в том числе полосчатых. Лучшие образцы были из Джрабера, поселка вблизи оз. Севан. Обработать собранный материал мне уже не удалось, но осталось несколько фото. После долгих раздумий я решила передать их с пояснительной запиской в музей Геологического института КНЦ или Кольское отделение РМО, может быть, даже

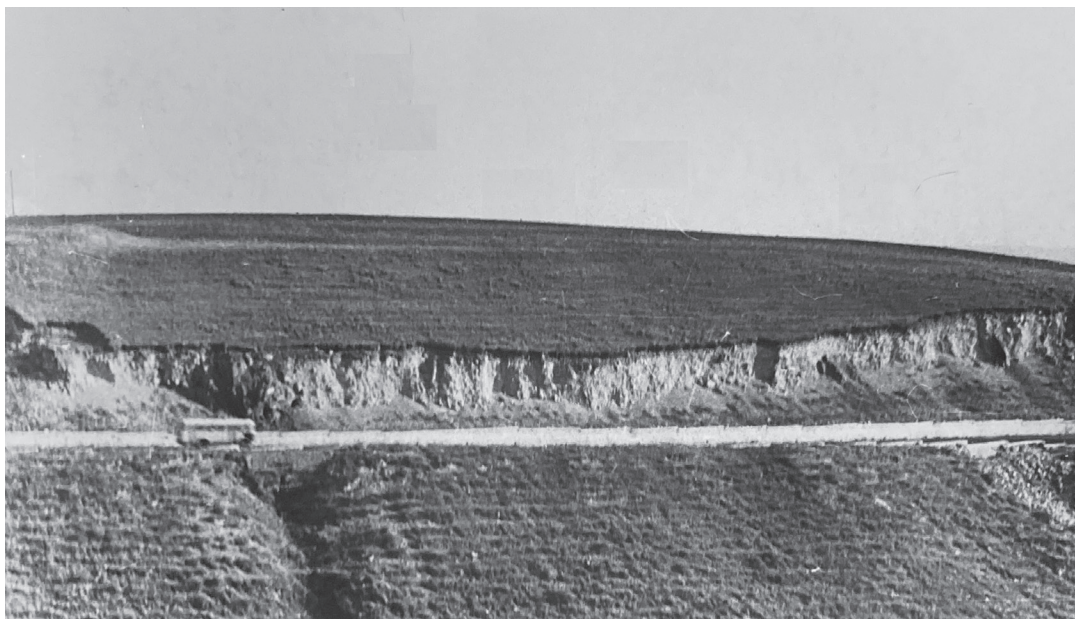

Рис. 2. Шоссе пересекает лавовый поток. Здесь и далее фото А.С. Сахарова.

Fig. 2. The highway crosses the lava flow. Here and further photo by A.S. Sakharov.

Рис. 3. И. В. Буссен у лавового потока.

Fig. 3. I. V. Bussen at the lava flow.

для краткого сообщения в «Тиетте». Материал интересный, хотя прямого отношения к Кольскому п-ову не имеет. Но тем, кто интересуется первичной расслоенностью, должно быть интересно.

Около местечка Джрабер шоссе пересекло молодой (3000 лет) лавовый поток и на протяжении нескольких сотен метров получилось прекрасное обнажение (рис. 2). Выше и ниже по склону – бугристая или мелко-ступенчатая поверхность потока, местами прикрытая россыпями обломков той же лавы. Почвы нет, только редкие пучки полусохшей травы. Источник потока – за горизонтом снимка, это маленький правильный конус, до него не более 2 км. Тонкая слоистость потока – чередование светло- и темно-серых полосок обсидиана – видна на фото (рис. 3). Шоссе пересекло поток почти по простиранию полосок. Их падение, почти совпадающее с поверхностью потока, видно на стенке ложка. Полосы темной массивной породы чередуются с тонко-слоистыми (рис. 4). Отдельные полосы и полоски имеют мощность (толщину) в миллиметры и даже доли миллиметра (рис. 5).

Полосы и полоски подчинены тем же закономерностям, которые характерны для первично-расслоенных массивов: прослеживаются на большие расстояния, залегают согласно, могут менять мощность, выклиниваться, раздваиваться и сливаться вновь, согласно изгибаться, но никогда не пересекаются, что подтверждает их одновре-

Рис. 4 (слева). Обнажение тонко-полосчатого обсидиана, для масштаба – геологический компас.

Fig. 4 (left). Outcrop of thin-banded obsidian, with a geologic compass for scale.

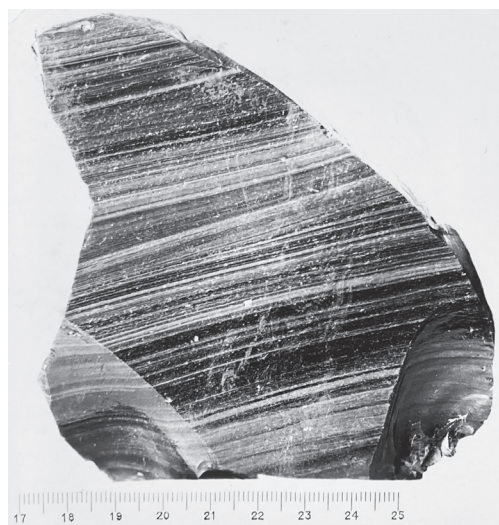

Рис. 5 (справа). Штуф тонко-полосчатого обсидиана.

Fig. 5 (right). A stuff of thin-banded obsidian.

Рис. 6. Древние горные выработки внизу склона, тонкая полоска сверху – шоссе с рис. 1.

Fig. 6. Ancient mine workings at the bottom of the slope, the thin strip above is the same highway from Fig. 1.

менное образование. Границы полосок отчетливые, но без признаков контакта, иногда – постепенные переходы, так что в обычных шлифах граница не улавливается. Иногда на фоне стекла мелькают мельчайшие призмочки высоко- и двупреломляющего минерала. Разделить в протолочке материал темных и светлых полосок не получилось.

Увидеть боковые ограничения потока не удалось, а значит и зафиксировать их отношение с полосками. Пониже шоссе на склоне – древние выработки, отвалы и отходы мастерских, где обрабатывали обсидиан (рис. 6). Среди отщепов, нуклеусов и обломков породы со следами обработки я собрала коллекцию бракованных наконечников копий, топоров (по виду – мезолит) и, дополнив ее изящным наконечником стрелы из музея АН СССР (неолит), передала ее преподавателю истории школы № 2 в г. Апатиты. Судьба коллекции мне неизвестна.

Альфред Лотар Вегенер

Мне 91½ лет. Время «собирать камни». А их так много, что и приступить страшно, да и запутаться легко. Но я все же решила написать об одной истории, вернее – о теории, занимавшей меня много лет тому назад и занимающей сейчас. Толчком к воспоминаниям послужило вот что. Не так давно, в феврале 2007 г., я смотрела телепередачу «Живая Земля». Программы о земле, природе и космосе стараюсь не пропускать. Тогда Д. Аттенборо голосом Н. Дроздова сообщил, что Альпы образовались при давлении Африканской плиты на Европейскую. И в моей памяти мгновенно возникла цепь воспоминаний.

В записках об участии А. С. Сахарова и моем в изучении Ловозерских тундр я писала, что в 1935 г., будучи младшим коллектором, глобальными проблемами не занималась (Войтеховский, 2023). В отношении щелочного магматизма это верно. Кстати сказать, Ленинградскому университету, в котором я училась в 1933–38 гг., не повезло со щелочными породами. Петрографию нам читал Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, слово в слово повторяя текст своей книги, написанной то ли в самом конце XIX, то ли в первые годы XX века. Щелочные породы занимали там ровно 1/3 страницы. Практические занятия вел проф. Н. Г. Судовиков, «гранитчик» или «гранито-гнейсовик». И только перед экзаменом или зачетом (не только в нашей группе) он просил меня, «девушку, воспитанную в щелочной среде» (он и придумал это прозвище), принести «пару этих ваших шлифов», и давал их тем, с кем хотел встретиться не один раз. «Те» обычно принимали нефе-

лин за кварц, остальное понятно... Не помню, чтобы щелочные минералы фигурировали на занятиях по «методам петрографического исследования». А ведь тогда хибинский апатит уже экспортировался! Да и в институтах АН СССР им занимались уже более 10 лет!

Однако вернемся к основной теме. Осенью 1930 г. я должна была пойти в 8-ой класс. Но без обсуждений и предупреждений старшие классы (8-й и 9-й) в школах Ленинграда ликвидировали, стали плодиться ФЗУ (ПТУ) и техникумы... (Хочется процитировать К. Маркса, но я стесняюсь). Я знала, что буду геологом. В геолого-съемочный техникум, возникший при Топографическом техникуме, поступила с трудом – до 16 лет мне не хватало 24 дней. Немецкий язык в техникуме преподавал настоящий немец, а его сын был в одной группе со мной. Мы немного знали немецкий, поэтому преподаватель давал нам настоящие немецкие юмористические журналы и усаживал на «Камчатку». Мы хохотали так сильно, что через пару занятий он принес (сознательно или случайно?) тоненький, скромный, в бумажной обложке, типично академический журнал (название и год не помню), посвященный А. Вегенеру, его теории континентального дрейфа, жизни, Eis-Mitte (его станция в центре Гренландии), гибели во льдах... Я была потрясена, помчалась в «Книжную лавку писателей» (она была в доме, где я жила), купила за 10 коп. контурную школьную карту, вырезала ножницами по берегам Атлантики Африку и Европу, приложила к Америкам – сошлось! Мне стало ясно, что теория континентального дрейфа – гениальная. В ее власти я осталась навсегда и потом даже мужа увлекла этой глобальной проблемой.

В техникуме о дрейфе континентов не упоминали, господствовали «фиксисты». Но когда в 1933 г. я поступила в университет, умнейший геолог, наш декан и профессор Я. С. Эдельштейн, читавший курс «общая геология», к моему удивлению, тоже не упомянул об этой идее – пусть гипотезе, не теории – хотя бы с негодованием! А ведь о Гондване, которая некогда «расползлась», он говорил. Если я упоминала об А. Вегенере, то на меня шипели. Был Джоли, один Джоли... Много лет после 1933 г. о работе Вегенеров (кроме Альфреда был еще Курт) не упоминали. Помню, как-то промелькнула торжествующая заметка, в которой сообщалось, что «теория А. Вегенера ошибочна, так как точность его приборов была ниже измеряемых величин»!

Он определил, что материки движутся со скоростью около 3 см в год. Уже после войны за дело взялись японцы, точнейшими приборами измерили направления и скорости движения плит. И что же? В 1971 г. мне подарили книгу японских геофизиков (Такеучи и др., 1970), она сейчас у меня в руках. В ней много цифр, разных данных, но вопрос о движении континентов решенным не считается, А. Вегенер упоминается в числе прочих. Список литературы довольно обширный, русских работ о дрейфе континентов нет, хотя несколько геофизических работ есть, в самом конце при переводе добавлена статья П. Н. Кропоткина (1969). «Фиксисты» царили у нас и в эти годы.

А сегодня в популярных телепередачах плиты соединяются, раскалываются, расползаются, подползают и наползают друг на друга, формируя лик Земли. Я горжусь А. Вегенером, его работой, его победившей теорией!

Литература

1. Буссен И. В. Одна история // Тиетта. 2008. № 6. С. 3–4.
2. Буссен И. В., Ганнибал Л. Ф., Гойко Е. А., Мерьков А. Н., Недорезова А. П. Ильмаюкит – новый минерал из Ловозерских тундр // Зап. ВМО. 1972. № 1. С. 75–79. <https://catalogmineralov.ru/mineral/ilmajokite.html?ysclid=lugvw0qa5v8207816h0>.
3. Войтеховский Ю. Л. Из истории кольской геологии: письма И. В. Буссен и А. С. Сахарова проф. Д. П. Григорьеву. 1956–1968 // Тр. Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2023. № 20. С. 4–22. <https://doi.org/10.31241/FNS.2023.20.001>.
4. Глушенкова Т. В. (ред.) Книга памяти Ленинградского – Санкт-Петербургского ун-та. 1941–1945. Вып. 1. СПб.: СПбГУ, 1995. 352 с.
5. Картотека профессорско-преподавательского состава 1940–1948 гг. Ленинградский ун-т в Великой Отечественной войне // ЦГА СПб. Ф. 7240, оп. 14, д. 621, л. 219, 222. Архив СПбГУ. Ф. 1, с. 302.
6. Кропоткин П. Н. Проблема дрейфа материков (мобилизма) // Изв. АН СССР. Физика Земли. 1969. № 3. С. 3–18.
7. Симфония камня. К 100-летию О. М. Римской-Корсаковой. М.: ООО РЦ «Радица-М», 2014. 72 с.
8. Такеучи Х., Уеда С., Канамори Х. Движутся ли материки? М.: Мир, 1970. 248 с.